

УДК 81.00

ББК Ш141.01.2973

Д181

В. П. Даниленко

Иркутск, Россия

ВАЖНЕЙШИЕ ГИПОТЕЗЫ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЯЗЫКА

В статье представлен критический анализ гипотез о происхождении языка – как старых (звукосимволической, звукоподражательной, междометной, трудовой), так и новых (Н. Хомского, Т. Гивона, Н. Масатаки, Т. Дикона, Р. Данбара).

Ключевые слова: происхождение языка, звукосимволическая гипотеза, звукоподражательная гипотеза, междометная гипотеза, трудовая гипотеза.

V. P. Danilenko

Irkutsk, Russia

THE MOST IMPORTANT HYPOTHESES ON THE ORIGIN OF LANGUAGE

In this article it is discussed the critical analysis of the hypotheses on the origin of language including the old ones (the onomatopoeic hypothesis, the hypothesis of sound symbolism, the interjectional hypothesis, the labour hypothesis) and the new ones (N. Chomsky, T. Givón, N. Masataka, T. Deacon, R. Dunbar).

Keywords: the origin of language, the hypothesis of sound symbolism, the interjectional hypothesis, the labour hypothesis.

В религиозном сознании происхождение языка выглядит как часть божественного творения мира. Так, библейский бог Яхве вдохнул дар слова в первого созданного им человека – Адама – в шестой день миротворения. В результате появился первый язык – язык Адама, который позднее получил латинское название *lingva adamica*.

В XVI–XVII веках миф о божественном происхождении языка проник в науку. Более того, в научной среде появились люди, которые составляли длинные списки слов, из которых, по их предположению, состоял язык Адама.

Lingva adamica – древнееврейский язык. Его основным творцом был Адам, однако первые слова, входящие в него, были созданы самим Яхве. Каким образом он это делал?

По «Библии», «в начале было слово» – слово Творца, за которым следовала реалья, которую оно обозначает. За словами, обозначающими на иврите «свет», «небо», «море», «сушу» и др., которые Яхве произносил в течение шести дней своего творения мира, появились свет, небо (твердь), море, суша и т. д.

О том, что слово в библейском унигенезе предшествует реалии, свидетельствуют не только известные слова, с которых начинается «Евангелие» от Иоанна («В начале было слово...»), но и «Шестоднев». Вот как это в нём, в частности, выглядит: «И сказал Бог: да будет свет. И стал свет... И сказал Бог: да будет твердь посреди воды... И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так...» [Библия, 1991, с. 5]. Божье слово здесь переходит в дело чудесным образом. Но полной ясности здесь нет.

С одной стороны, как мы только лишь видели, за словами здесь появляются реалии, которые их обозначают, а с другой стороны, мы видим и противоположную последовательность: реалья – слово. Вот как это выглядит, например, со словами, обозначающими землю и море: «И сказал Бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша. И стало так... И *назвал* Бог сушу землею, а собрание вод *назвал* морями...» [Там же]. Сначала – *создал*, а потом – *назвал*. Да и начинается «Библия» со слов, которые свидетельствует о

том, что небо и землю библейский Бог создавал молча: «В начале сотворил Бог небо и землю» [Там же].

В «Библии» имеется объяснение и языкового полигенеза – в мифе о Вавилонском столпотворении. В 11 главе «Бытия» читаем: «На всей земле был один язык и одно наречие. Двинувшись с востока, они нашли в земле Сеннаар равнину и поселились там. И сказали друг другу: наделаем кирпичей и обожжём огнём. И стали у них кирпичи вместо камней, а земляная смола вместо извести. И сказали они: построим себе город и башню, высотой до небес, и сделаем себе имя, прежде, нежели рассеемся по лицу всей земли. И сошёл Господь посмотреть город и башню, которые строили сыны человеческие. И сказал Бог: вот, один народ, и один у всех язык; и вот что начали они делать..., сойдём же и смешаем там язык их так, чтобы один не понимал речи другого. И рассеял их Господь оттуда по всей земле; и они перестали строить город и башню. Посему дано ему имя: Вавилон» [Там же. С. 13].

Научное начало в мифе о Вавилонском столпотворении можно, пожалуй, усмотреть лишь в осознании его автором прагматической функции языка: никакое коллективное созидание у людей невозможно без единого языка.

Миф о божественном творении языка был чрезвычайно распространён в христианском мире, но претендовать на научность он не может. На научность могут претендовать только такие гипотезы о происхождении языка, которые опираются не на веру в чудеса, а на реальные факты. Таких гипотез в науке накопилось так много, что впору воскликнуть: не объять необъятное! Однако наибольшую ценность из них имеют лишь некоторые.

СТАРЫЕ

ЗВУКОСИМВОЛИЧЕСКАЯ

Звукосимволическая гипотеза о происхождении языка сформировалась в споре, который возник в Греции в V в. до н.э. между «натуралистами» и «конвенционалистами». Учителем первых был Гераклит, а учителем других – Демокрит. Натуралисты считали, что слова создавались в соответствии с природой

(натурой) обозначаемых ими вещей, а конвенционалисты настаивали на том, что слова – результат соглашения (конвенции) между их творцами – первыми людьми. Звукосимволическая гипотеза о происхождении языка зародилась в недрах учения натуралистов.

Спор между натуралистами и конвенционалистами выведен в диалоге Платона «Кратил». От имени самого Платона в его диалогах выступает Сократ. Он обычно играет роль диалектика – человека, который обладает умением разрешать споры. В данном диалоге ведут спор Кратил и Гермоген. Первый – сторонник натуралистов, а другой – сторонник конвенционалистов. «У всякого сущего есть правильное имя, – утверждает Кратил, – врождённое от природы, и не то есть имя, чем некоторые люди, условившись так называть, называют, произнося при этом частицу своей речи, но некое правильное имя врождено и эллинам и варварам, одно и то же у всех» [Фрейденберг, 1936, с. 36].

Гермоген не соглашается: «Не могу поверить, что правильность имени состоит в чем-либо ином, чем в договоре и соглашении. Ведь мне кажется, какое имя кто чему установит, таково и будет правильное имя... Ведь никакое имя ничему не врождено от природы, но принадлежит вещи на основании закона и обычая тех, кто этот обычай установил и так называет» [Там же. С. 37]. Какую позицию в этом споре занял Платон?

Устами Сократа Платон сначала говорит, что прав и Кратил, и Гермоген, однако затем он уличает их в односторонности и в конечном счёте примыкает к натуралистам. Да, считал Платон, в языке имеются как имена, созданные по природе, так и имена, созданные по соглашению. Следовательно, есть основания для утверждений Кратила и Гермогена. Но всё дело в том, как создавать новые слова.

Новые имена следует создавать, по мнению Платона, в соответствии с природой (сущностью) обозначаемых вещей. Как же это делать? Это зависит от того, какое имя мы собираемся создавать – первичное (т. е. производное в современной терминологии) или вторичное (т. е. производное). В первом случае задача автора нового слова состоит в том, чтобы отражать сущность обозначае-

мой вещи с помощью звуков, а во втором – с помощью значимых частей слова. Так, всё круглое, мягкое, гладкое, скользящее и т. п. следует обозначать с помощью звука [л], а твёрдое, резкое, острое и т. п. – с помощью звука [р].

Платон в своём «Кратиле» заложил основы звукосимволической гипотезы о происхождении языка. Она составляет сердцевину натуралистического подхода к вопросу о соотношении первых слов и обозначаемых ими вещей. По этой гипотезе выходит, что отдельные звуки обладают некоторым значением. Это позволяет для создания новых слов подбирать такие звуки, которые соответствуют природе обозначаемых ими вещей. Отголоски этой гипотезы имеются и в современной науке [Журавлев, 1981]. Между тем ещё в V в. до н.э. мощный удар по звукосимволической гипотезе о происхождении первых слов нанёс Демокрит.

Сам язык, по мнению Демокрита, содержит аргументы против обсуждаемой гипотезы. Так, в языке имеются омонимы. Если бы первые слова создавались по природе обозначаемых ими вещей, то их в нём не должно было бы быть, поскольку нельзя было бы подбирать одни и те же звуки для создания слов, обозначающих разные вещи. Не должно было бы быть в языке и синонимов, поскольку нельзя было бы подбирать разные звуки для обозначения вещей, имеющих одну и ту же природу.

У автора звукосимволической гипотезы был спасительный аргумент. Он состоял в следующем: в языке имеется много неправильных имён – таких, где звуки для обозначаемой вещи либо были подобраны по ошибке создателем («законодателем») слова, либо искажены теми, кто их употреблял в дальнейшем. Сократ, в частности, говорит Гермогену: «Разве ты не знаешь, любезнейший, что первые установленные имена уже искажены теми, кто хотел придать им более возвышенный характер, прибавляя и изымая буквы (звуки. – В.Д.) ради благозвучия и всячески их переворачивая, а также от прикрашивания и от времени. Например, в слове зеркало (*κατοπτρον*) разве не кажется неуместной вставка ρ? Это, думается, делают те, кто вовсе не заботятся об истине, но создают искусственное произношение, так что, многое вставляя в первые имена,

они наконец доводят до того, что ни один человек не понимает, что же значит данное имя» [Фрейденберг, 1936, с. 45].

Подобные аргументы не спасли натуралистов от утраты ими бывшего авторитета. О том, что этот авторитет был утрачен уже в IV в. до н.э. свидетельствует диалог между двумя философами – конвенционалистом Сильпоном и натуралистом Феодором-Безбожником: «“Скажи, Феодор, что в твоём имени, то ведь и в тебе?”». Феодор согласился. “Но ведь в имени твоём – бог”. Феодор и на это согласился. “Стало быть, ты и есть бог”. Феодор и это принял без спора, но Сильпон, расхохотавшись, сказал: “Негодник ты этакий, да ведь с таким рассуждением ты себя признаешь хоть галкой, хоть чем угодно!”» [Лаэртский Диоген, 1979, с. 135].

В основе лингвистического натурализма лежит идея соответствия между вещами и словами. Последние в идеале должны «подражать» вещам не только своим звуковым составом, но и словообразовательным. В реальных же языках дело до такого «подражания» сплошь и рядом не доходит. Отсутствие соответствия между вещами и словами в конечном счёте дискредитировало позицию натуралистов. Именно об этом свидетельствует приведённый диалог, состоявшийся между Сильпоном и Феодором, который был – вопреки своему имени – атеистом, за что и получил прозвище *Безбожник*.

В свою очередь конвенционалистам нанёс мощный удар в XVIII в. Жан-Жак Руссо. Каким образом, спрашивал он, первобытные люди могли договориться о звучании тех или иных слов, если этих слов у них ещё не было? В «Рассуждении о происхождении и основаниях неравенства между людьми» он писал: «Необходимо было прежде обладать речью, чтобы потом ввести её в употребление» [Руссо Ж.-Ж., 1961, с. 60].

Между тем спор между натуралистами и конвенционалистами в античной философии языка – предвосхищение той науки, которую в XX в. стали называть лингвосомиотикой. Её родоначальник – Фердинанд де Соссюр (1857–1913). Эта наука указывает на два главных признака языкового знака – отсылочность и произвольность (условность). Первый из этих признаков состоит в том, что

языковой знак, как и любой другой, отсылает к определённой реалии, а второй – в том, что его собственные свойства отличаются от свойств этой реалии (сколько ни говори слово *халва*, во рту сладко не станет) [Даниленко, 2010, с. 19–25]. Первый из этих признаков забрезжил на небосклоне античной философии языка в учении натуралистов, а второй – в учении конвенционалистов.

Принцип произвольности знака в какой-то мере ослаблен у звукоподражательных слов (например, в русском языке «*кукарекать*», «*мяукать*» и т. п.), однако и в подобных случаях этот принцип действует, поскольку в разных языках звукоподражательные слова по своему звучанию не совсем совпадают (ср. русское слово *кукушка* с немецким *Kuckuck*, английским *cuckoo*). Однако сам факт существования звукоподражательных слов послужил предпосылкой для появления звукоподражательной гипотезы о происхождении языка.

ЗВУКОПОДРАЖАТЕЛЬНАЯ

Лучше всего эта гипотеза изложена у Платона (427–347 до н.э.) и у Г. Лейбница (1646–1716). Сущность этой гипотезы сводится к предположению о том, что наши предки научились говорить благодаря подражанию не только звучащей природе (пению птиц, блеянию овец и т. д.), но и беззвучной. В последнем случае речь шла не о простом копировании звуков, которые первобытный человек слышал в природе, а о выражении с помощью звуков своих впечатлений о тех или иных свойствах предмета (его форме, размере и т. п.).

О словах, возникших из непосредственного подражания звучащей природе, Платон писал: «...кто подражает скоту, петухам и прочим животным, именуется то, чему они подражают» [Фрейденоберг, 1936, с. 47].

В более сложном положении сторонники звукоподражательной гипотезы о происхождении языка оказывались, когда речь заходила о словах, появившихся в языке, по их предположению, благодаря звуковому выражению впечатлений о незвучащих предметах. Выход они нашли в соединении звукоподражательной гипотезы со звукосимволической. Они приписывали тем или иным звукам связь с обозначением определённых свойств этих предметов. Так, звуку [r] приписывали

влась связь с обозначением чего-нибудь резкого и твердого, а звуку [l] – плавного и мягкого. В свою очередь звуку [o] приписывалось выражение округлого. По поводу этого звука Платон писал: «Нуждаясь в звуке О для круглого, он (изобретатель слова. – В.Д.) его преимущественно вливал в это имя» [Там же. С. 51].

С помощью звукоподражательной гипотезы о происхождении языка Г. Лейбниц объяснял наличие звука [r] в словах, связанных с обозначением разрыва (нем. *Riss*, лат. *rumpo*, фр. *arracher*, ит. *straccio* и т. п.). Подобным образом он объяснял присутствие звука [l] в латинском слове *mel* (*мед*), в немецком *lieben* (*любить*) и т. п.

Новую жизнь в звукоподражательную гипотезу о происхождении языка в наше время вдохнул В. А. Рак. Очень правдоподобно он описал, как первобытные люди («пересмешники») создавали звукоподражательные слова. Словом *фррь*, например, они обозначали птиц, подражая звучанию их крыльев во время полёта, словом *тррь* – туров, словом *еррь* – слонов и т. д.

Вот как красочно у В. А. Рака описаны ситуации с обозначением лошадей и львов: «Пересмешники с энтузиазмом имитировали также звуки, которые копытные издавали при питье. Это были звуки, похожие на поцелуи. Можно сказать, что лошади пьют воду посредством целования: «пъ-пъ». Этот звук почему-то особенно нравился пересмешникам, и они с упоением его повторяли. Они и сами пили воду подобным способом... Звуки «ль-ль-ль», которые львы производили при питье, у пересмешников получались прекрасно. Они возбуждённо щёлкали языком, показывая в сторону львов руками и громко стуча себя в грудь. Львы, да и вообще все хищники воду лакают, производя при этом некий щелчок языком. Можно было понять, что произнося львиное «ль-ль», люди себя тоже считали храбрыми и сильными» [Рак, 2013, с. 30; 31–32].

МЕЖДОМЕТНАЯ

Сторонниками этой гипотезы были Иоганн Гердер (1744–1803), Гейман Штайнталь (1823–1899), Александр Афанасьевич Потебня (1835–1891) и др. Сущность этой гипотезы состоит в предположении, что первые слова возникли

из «междометий», но под последними имелись в виду не современные междометия, а те произвольные возгласы, которые издавали наши животные предки при выражении чувств.

Такого рода междометия А. А. Потебня считал подлинными междометиями и противопоставлял их словам *ах*, *ох* и т. п. Последние являются произвольными – в том смысле, что они употребляются говорящими сознательно. Современные междометия – лишь прообраз тех «междометий», которые представляли собою рефлексивные возгласы наших животных предков. Подобными междометиями пользуются животные и дети, когда они ещё не владеют взрослым языком.

В произвольных «междометиях» вслед за И. Гердером А. А. Потебня видел материал для будущих человеческих слов. Он писал: «Язык животных и человека в раннюю пору детства состоит из рефлексий чувства в звуках. Вообще нельзя себе представить другого источника звукового материала языка. Человеческий произвол застает звук уже готовым: слова должны были образоваться из междометий» [Потебня, 1976, с. 110].

Животные междометия – принадлежность предъязыка. Они ещё не были словами человеческого языка. Своему переходу в слова у первых людей они были вновь обязаны чувствам. «Роль чувства, – указывал А. А. Потебня, – не ограничивается передачею движения голосовым органам и созданием звука. Без вторичного его участия не было бы возможно самое образование слова из созданного уже звука» [Там же. С. 116].

В чувственной природе первобытного языка был убеждён знаменитый французский философ Жан Жак Руссо. Он писал: «Я нисколько не сомневаюсь, что первый (звуковой. – *В.Д.*) язык, существуй он поныне, сохранил бы независимо от словаря и синтаксиса свои черты, отличающие его от всех других. Не только все обороты этого языка были бы образными, чувственными, фигуральными, но даже его внутреннее устройство отвечало бы первоначальной цели доносить до чувств и разума жаждущий отклика голос страсти» [Руссо Ж.-Ж., 1961, с. 65].

Участие чувства в переходе междометий в слова А. А. Потебня усматривал в том, что междометия, первоначально служащие для произвольного выражения чувств, вызываемых определёнными предметами, стали уже сознательно употребляться в дальнейшем и для выражения представлений о самих этих предметах. Именно с этого момента они переставали быть междометиями и становились первыми словами.

Перенос междометий с обозначения чувств на их источники не был бы возможен, полагал А. А. Потебня, если бы мышление наших предков не достигло такой ступени своего развития, при которой они смогли увидеть в своих междометиях будущие слова. Своим переходом в слова междометия были обязаны не только чувству, но и мысли, способной осмыслить их как знаки вещей. «Междометие, – писал в связи с этим А. А. Потебня, – под влиянием обращенной на него мысли изменяется в слово» [Потебня, 1976, с. 110].

Отсюда следует, что в качестве предпосылки для перехода животных возгласов в человеческие слова А. А. Потебня усматривал успешную психическую эволюцию наших предков, благодаря которой они сумели подняться до осознания знаковой природы собственных возгласов. Первобытное «междометие» в таком случае перестаёт быть произвольным животным выкриком и превращается в человеческое слово.

А. А. Потебня предполагал, что процесс перехода междометия в слово в мышлении нашего предка осуществлялся приблизительно так же, как в сознании ребенка. Он писал: «Итак, образование слова есть весьма сложный процесс. Прежде всего – простое отражение чувства в звуке, такое, например, как в ребёнке, который под влиянием боли невольно издает звук «вава». Затем – сознание звука... Наконец – сознание содержания мысли в звуке, которое не может обойтись без понимания звука другими» [Там же. С. 113].

Междометия, перешедшие в слова, составили основу, опираясь на которую люди смогли создавать новые слова на материале старых. Но такого рода слова были уже не первичными, а вторичными, произведёнными от других слов, а не от животных междометий.

Междоветная гипотеза о происхождении языка привлекает внимание исследователей до сих пор. Вот каким образом В. А. Рак вписывает себя в ряд её современных приверженцев: «С тех времён (когда первобытные люди увидели останки женщины, которую загрыз медведь-людоед, и из их уст вырвались непроизвольные звуки *бррь*, *бррь*... – В.Д.) всё страшное и тёмное, что противопоставляла природа человеку, называлось словом “*бррь*”. Это слово-страх изначально не обозначало ничего, кроме страха. Прошли тысячи лет, но мы и сейчас говорим точно так же – “брр, страшно”, а самые большие кости нашего скелета называются словом “*брр-ця*” – “берцовые, медвежьи”. Как знать, может быть, это “*бррь*” было вообще самое первое осознанное слово на нашей планете. Его никто не придумывал: люди, изведавшие настоящий ужас или холод, знают, что это слово произносится непроизвольно» [Рак, 2013, с. 6].

Достоинство междоветной гипотезы о происхождении языка заключается в том, что она вписывает проблему происхождения языка в психогенез. Очевидный эволюционизм составляет сильнейшую сторону данной гипотезы.

ТРУДОВАЯ

Истоки этой гипотезы восходят ещё к Демокриту, но наибольший вклад в её разработку внесли Джеймс Бернетт, лорд Монбоддо (1714–1799), Людвиг Нуаре (1827–1897), Фридрих Энгельс (1820–1895) и Борис Владимирович Якушин (1930–1982). Между тем ещё в Средние века мы обнаруживаем её предтечу у «отцов церкви» – Григория Нисского (IV в.), Аврелия Августина (IV–V вв.), Иоанна Дамаскина (VII–VIII вв.) и др.

Как показал Ю. М. Эдельштейн [Эдельштейн, 1985], отцы церкви отнюдь не были религиозными фанатиками и мракобесами. Они были людьми творческими и сумели внести много нового в развитие философии языка. Они поставили, в частности, впервые вопросы о коммуникации у животных, о невербальном мышлении и внутренней речи у людей и т. д.

Особого внимания заслуживает теория происхождения языка, разработанная Григорием Нисским (335–394), который развивал в ней идеи не только своего брата – Василия Кесарийского (Великого), но и античных авторов.

Свои взгляды на проблему происхождения языка Григорий излагал в полемике с Евномием, который считал, что слова создаются человеком не самостоятельно, а в сотворчестве с Богом. Человеку, по Евномию, принадлежит пассивная роль в процессе словообразования, поскольку она сводится лишь к тому, чтобы угадывать имена, данные тем или иным вещам самим Богом.

Григорий, напротив, считал, что Бог одарил человека лишь творческой способностью, благодаря которой он сам, без помощи Бога, может создавать новое – будь то дом, меч, плуг или слово. Имена, по Григорию, создаются человеком, с одной стороны, в соответствии со свойствами обозначаемых вещей, а с другой стороны, в соответствии с национальным своеобразием языка, на котором говорит автор нового слова.

Григорий Нисский принимал, таким образом, как натуралистический, так и конвенциалистский принципы в словообразовании, однако делал упор на последнем из них. Он писал: «Итак, всем подтверждается наше слово (хотя оно и неискусно построено по правилам диалектики), доказывающее, что Бог – Создатель предметов, а не простых речений, ибо не ради Его, а ради нас прилагаются предметам имена... Если же кто скажет, что эти имена образуются, как угодно людям, сообразно их привычкам, тот нисколько не погрешит относительно понятия Промысла, ибо мы говорим, что имена, а не естество существующих предметов происходит от нас. Иначе именует небо еврей и иначе хананей, но тот и другой понимают одно и то же, от различия звуков нисколько не ошибаясь в разумении предмета» [Там же. С. 185].

Заслуга Григория Нисского состоит прежде всего в том, что в своей теории он поставил язык в один ряд с другими продуктами культуры, считая, что язык, подобно любому другому продукту культуры, создается человеком благодаря его творческому отношению к действительности.

Особенно неожиданным в размышлениях отца Григория о происхождении языка звучит вполне материалистическое утверждение о том, что в качестве предпосылки возникновения языка следует рассматривать развитие человеческой руки. Он писал: «Содействие рук помогает потребности слова, и если кто-

то услугу рук назовёт особенностью словесного существа – человека, если сочтёт это главным в его телесной организации, тот нисколько не ошибётся... Рука освободила рот для слова» [Там же. С. 189].

В 1773 г. в Шотландии вышел шеститомный труд Монбоддо «О происхождении и прогрессе языка». Его автор изложил в нём предтечу трудовой гипотезы Нуаре-Энгельса.

Своим происхождением орудия труда, по мнению Монбоддо, обязаны успешной психической эволюции их создателей. Но подобной эволюции обязан своим происхождением и язык.

Первые слова были неполноценными. Их отличие от слов полноценных состояло в их диффузности – как звуковой, так и смысловой. Звуковая диффузность первых слов выразилась в их слабой членораздельности, а смысловая – в синкретичности их значения. Вот почему их нельзя было отнести к какой-либо части речи. Монбоддо писал в связи с этим: «Какие слова были изобретены первыми? – Мой ответ: если под словами понимать части речи, то первых слов вообще не было; а первые артикулированные звуки обозначали целые предложения» [Донских, 1984, с. 79].

Орудия труда и язык Монбоддо соединил в одну связку. Их прогресс зависел от их взаимного влияния друг на друга, однако на приоритетное положение в ней он поставил орудия труда.

Прогресс в изготовлении орудий труда повлиял на происхождение и развитие языка в двух отношениях: с одной стороны, он заставлял людей объединяться во всё более и более многочисленные союзы, трудовая деятельность которых в значительной мере зависела от выполнения её участниками тех задач, которые связаны с использованием языка, а с другой стороны, этот прогресс способствовал развитию у первобытных людей абстрактного мышления, что не могло не влиять на развитие языка: он эволюционировал от употребления слов в конкретном значении к их употреблению во всё более и более абстрактном значении. Монбоддо здесь использовал идею Д. Локка о том, что первые слова обозначали только индивидуальные предметы, а стало быть, были именами

собственными, но со временем они стали превращаться в имена нарицательные, поскольку стали обозначать всё более и более обширные совокупности похожих предметов.

Особенно ярко трудовую гипотезу о происхождении языка изложил в работе «Происхождение языка» (1877) Людвиг Нуаре. Он писал: «...трудом достигаемые модификации внешнего мира рождаются с теми звуками, которые сопровождают работу, и таким путём эти звуки приобретают определённое значение. Так возникли корни языка, те элементы или первичные клеточки, из которых выросли все известные нам языки» [Там же. С. 104].

Иначе говоря, Л. Нуаре считал, что первые корнесловы возникли из звуков, которые вырывались из уст наших предков во время трудовых действий.

Глоттогенез Ф. Энгельс вписывал в антропогенез. В работе «Роль труда в процессе превращения обезьяны в человека» (1896) он писал: «Наши обезьяноподобные предки, как уже сказано, были общественными животными; вполне очевидно, что нельзя выводить происхождение человека, этого наиболее общественного из всех животных, от необщественных ближайших предков. Начавшееся вместе с развитием руки, вместе с трудом господство над природой расширяло с каждым новым шагом вперёд кругозор человека. В предметах природы он постоянно открывал новые, до того неизвестные свойства. С другой стороны, развитие труда по необходимости способствовало более тесному сплочению членов общества, так как благодаря ему стали более часты случаи взаимной поддержки, совместной деятельности, и стало ясней сознание пользы этой совместной деятельности для каждого отдельного члена. Коротко говоря, формировавшиеся люди пришли к тому, что у них появилась *потребность что-то сказать друг другу*. Потребность создала себе свой орган: неразвитая гортань обезьяны медленно, но неуклонно преобразовывалась путём модуляции для всё более развитой модуляции, а органы рта постепенно научались произносить один членораздельный звук за другим» [Маркс, Энгельс, 1981, с. 72].

Для доказательства правильности своей точки зрения на проблему глоттогенеза Ф. Энгельс прибегал к сравнению животных языков с человеческими.

«Что это объяснение возникновения языка из процесса труда и вместе с трудом является единственно правильным, – писал он, – доказывает сравнение с животными. То немногое, что эти последние, даже наиболее развитые из них, имеют сообщить друг другу, может быть сообщено и без помощи членораздельной речи. В естественном состоянии ни одно животное не испытывает неудобства от неумения говорить или понимать человеческую речь. Совсем иначе обстоит дело, когда животное приручено человеком. Собака и лошадь развили в себе, благодаря общению с людьми, такое чуткое ухо по отношению к членораздельной речи, что, в пределах свойственного им круга представлений, они легко научаются понимать всякий язык» [Там же].

Ф. Энгельс предсказал появление попугая Алекса. Он писал: «Птицы являются единственными животными, которые могут научиться говорить, и птица с наиболее отвратительным голосом, попугай, говорит всего лучше. И пусть не возражают, что попугай не понимает того, что говорит. Конечно, он будет целыми часами без умолку повторять весь свой запас слов из одной лишь любви к процессу говорения и к общению с людьми. Но в пределах своего круга представлений он может научиться также и понимать то, что он говорит. Научите попугая бранным словам так, чтобы он получил представление об их значении (одно из главных развлечений возвращающихся из жарких стран матросов), попробуйте его затем дразнить, и вы скоро откроете, что он умеет так же правильно применять свои бранные слова, как берлинская торговка зеленью. Точно так же обстоит дело и при выклянчивании лакомств» [Там же].

Трудовая гипотеза о происхождении языка легла в основу марксистской глоттогенетики в СССР. Её высшим достижением стала концепция Бориса Владимировича Якушина. В трудовой деятельности наших предков он видел предпосылку для их успешного психического развития: «“Труд начинается с изготовления орудий”, – писал Ф. Энгельс. Процесс изготовления орудий труда и охоты играет большую роль в психическом (прежде всего интеллектуальном) и социальном (в орудиях труда овеществляется соответствующий опыт) развитии первобытных людей» [Якушин, 1984, с. 103].

Вот как Б. В. Якушин объяснял роль труда для развития психики у первобытных людей: «Обработка материала, и особенно такого “капризного” – твёрдого и хрупкого, как кость или камень, требовала мобилизации и интенсификации всех психических процессов работника... Трудовые действия планомерны и последовательны; они включают в себя напряжение нервных и физических сил, работу всех органов чувств. Они требуют расчётливого мышления и воображения. А это означает, что анализ и синтез, абстракция и обобщение становились более тонкими, разветвлёнными и многоступенчатыми» [Там же].

Психическая эволюция у первобытных людей, стимулируемая их трудовой деятельностью, сочеталась с их языковой эволюцией. В её основе, по предположению Б. В. Якушина, лежал не звуковой язык, а пантомима. Он писал: «Использование орудий труда, способность к тонкой координации движений создали условия для самого естественного способа передачи информации – жестом, мимикой, позой, короче – пантомимой» [Там же. С. 113].

Пантомима у первобытных людей вовсе не была немой: она сопровождалась теми или иными эмоциональными выкриками. У Б. В. Якушина читаем: «Естественно, что изображение этих моментов (объектов охоты или врагов, схваток, поражений, побед и т. п. – *В.Д.*) сопровождалось эмоциональными выкриками (боевой клич, крики ярости, отчаяния, радости и т. п.), которые были уже не выражением эмоций, а лишь обозначением их» [Там же. С. 128].

Выкрики, о которых идёт речь, с течением времени выдвинулись у наших далёких предков на первый план, оттеснив на второй план пантомиму. Почему это произошло? Потому что звуковая форма передачи информации имеет неоспоримые преимущества перед зрительной. Вот почему пантомимический язык у первобытных людей уступил место звуковому. «Итак, – читаем у Б. В. Якушина, – увеличение форм взаимодействия членов сообщества, а всего сообщества – с внешней средой требовало замены наглядно-образных, связанных с большими затратами энергии и времени средств общения (пантомима) на более гибкие, разнообразные и экономичные средства, каковые сохранил звуковой язык» [Там же. С. 136].

Нельзя сказать, что пантомима полностью исчезла из общения первобытных людей, но большая часть используемых ими жестово-мимических знаков, с одной стороны, и нечленораздельные эмоциональные выкрики, с другой, стали всё больше и больше заменяться на звуковые знаки, т. е. членораздельные слова.

Так происходил переход пантомимического языка у первобытных людей к звуковому. Вот что писал об этом переходе Б. В. Якушин: «Выполняя одну и ту же знаковую функцию, пантомима и звук как бы конкурировали между собой, и в этой конкуренции победил более экономичный и оперативный звук» [Там же].

Первобытный язык (в обеих его формах – пантомимической и звуковой), по мнению Б. В. Якушина, выполнял по преимуществу прагматическую («управленческую») функцию. В нём преобладали повелительные предложения, без которых невозможна коллективная трудовая деятельность.

Б. В. Якушин в связи с этим указывал: «Общение между первобытными людьми обязательно должно было выйти из наличной ситуации, и передаваемая информация должна была относиться к прошлым или будущим событиям. Элементарные средства общения имели “управленческий” характер: “отрезок” пантомимы, звук или их сочетание представляли собой команды для внешнего или внутреннего действия и содержали в себе информацию о действующем лице, его действии и объекте» [Там же].

В конце своей книги Б. В. Якушин наметил разграничение двух эпох в эволюции языка – эпохи однословных предложений («слов-предложений») и эпохи несколькихсловных («членораздельных») предложений. По поводу первой из этих эпох он писал: «Нечленораздельный звук, становясь многозначным, начал варьироваться и стягиваться до тех пределов, в которых он оставался отличным от других звуков. Каждый такой звук имел своё значение – образ отрезка пантомимического действия. Это уже были слова-предложения» [Там же].

Последний абзац в книге Б. В. Якушина посвящён характеристике второй эпохи языковой эволюции: «Возрастающее число и разнообразие ситуаций, в

которых участвовал древний человек, потребовали их большего дробления и обобщения в сознании, что в свою очередь вызвало необходимость комбинирования становящихся всё более абстрактными значимых звуков для описания ситуаций. Так возникли членораздельные предложения» [Там же].

Сделаем вывод. Если достоинство междоветной гипотезы о происхождении языка состоит в том, что она вписала проблему глоттогенеза в психогенез, то трудовая гипотеза не только на ещё более высоком научном уровне сделала то же самое, но и приблизилась к её культурологической интерпретации, поскольку стала связывать появление первых слов с трудовой деятельностью наших предков, благодаря которой они и пошли по пути культурогенеза.

НОВЫЕ

Очень обстоятельный обзор новых гипотез о происхождении языка дан в книге С. А. Бурлак «Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы» [Бурлак, 2011]. Я ограничусь здесь кратким критическим анализом лишь основных.

НАТАВИСТСКАЯ ГИПОТЕЗА Н. ХОМСКОГО

В молодые годы Ноэм Хомский (род. в 1926) взлетел на олимп мировой славы благодаря своей теории генеративной грамматики. Уже и тогда он настаивал на врождённости универсальной грамматики. На старости лет он перенёс идею врождённости на глоттогенез. По поводу этой идеи сразу послушаем Б. Бичакджана: «Языки не являются ничем не обусловленными вариантами некой универсальной устойчивой грамматики, которую генетическая мутация привнесла в наши хромосомы. Языки – это наборы эволюционирующих черт» [Бичакджан, 2008, с. 85].

Язык, с точки зрения Н. Хомского, обязан своим происхождением вовсе не потребности что-либо сказать, а потребности о чём-либо размышлять. Язык поэтому главным образом и возник, чтобы обеспечивать процесс познания. Когнитивную функцию языка он возвысил над коммуникативной. Первая – главная, а другая – побочная.

Н. Хомский писал: «Язык не считается системой коммуникации в собственном смысле слова. Это система для выражения мыслей, т. е. нечто совсем другое. Её, конечно, можно использовать для коммуникации. Но коммуникация ни в каком подходящем смысле этого термина не является главной функцией языка» [Хомский, 2005, с. 114].

Рациональное зерно в только что приведённой цитате очевидно: возможности вербального мышления неизмеримо выше аналогичных возможностей невербального мышления. Вербальному мышлению человек в первую очередь и обязан своему стремительному отрыву от своих животных собратьев в своей когнитивной эволюции. Она была бы невозможна, если бы наш предок не сумел создать инструмент для своего мышления – язык.

Выходит, что перед языком можно смело ставить когнитивную потребность в качестве причины для появления человеческого языка. Но отсюда вытекает неизбежный вывод о том, что даже и в одиночестве человек должен был бы создать себе язык как «систему для выражения мыслей» – во внутренней речи. Чтобы с её помощью познавать мир. А уж потом он сообразил, что внутреннюю речь можно превратить во внешнюю, чтобы приобщить к ней других. Приблизительно так и думал в XVIII в. Иоганн Гердер. Новое – хорошо забытое старое!

И. Гердер писал: «...ведь даже дикарь, одинокий дикарь, живущий в лесу, и тот должен был бы создать себе язык, даже если бы он и не говорил на нём никогда. Язык явился результатом соглашения, которое душа его заключила сама с собою, и это соглашение было столь же неизбежно, как то, что человек был человеком» [Гердер, 2007, с. 143].

Одно непонятно: зачем под глоттогенез подводить только когнитивную потребность в языке, а коммуникативную оставлять на задворках? Почему между ними не заключить союз? Первые люди нуждались не только в познании мира, в котором они живут, но и в общении друг с другом. Вот почему ущемление коммуникативного фактора глоттогенеза за счёт гипертрофии когнитивного в гипотезе Н. Хомского нужно исправить на когнитивно-коммуникативную гар-

монию. Но эта гармония будет неполной, если мы не превратим её в когнитивно-коммуникативно-прагматическую, поскольку в основе происхождения языка лежат не только когнитивный и коммуникативный факторы, но и прагматический.

Прагматический фактор глоттогенеза связан с переходом слова в дело. Нет никаких оснований сомневаться в том, что первые люди не могли додуматься до осознания прагматической функции зарождающегося у них языка. Этой функцией пользуются животные, предупреждая своих соплеменников, в частности, о грозящей опасности. Люди лишь унаследовали от них использование языка как средства, с помощью которого они могут «воздействовать друг на друга с большей эффективностью» [Блумфильд, 1968, с. 42].

ПРОТОГРАММАТИЧЕСКАЯ ГИПОТЕЗА Т. ГИВОНА

Талми Гивон (род. в 1936) в 1962 г. получил степень магистра наук в области садоводства, но с 1966 г. он пошёл по лингвистической стезе. В это время лингвистическую науку уже в значительной мере охватил хомскианский угар. Т. Гивон не принял грамматики Н. Хомского. От критики этой грамматики он пришёл к своей версии глоттогенеза.

В отличие от Н. Хомского, Т. Гивон не оставил в своей гипотезе о происхождении языка коммуникативную функцию языка в тени когнитивной. По традиции он стал рассматривать язык не только как инструмент мышления, но и как средство общения. От себя он подчеркнул: с помощью языка говорящий имеет возможность узнать что-то новое не только благодаря собственным размышлениям, но и от других людей. Иначе говоря, коммуникативная функция языка может превращаться в когнитивную.

Т. Гивон разделил глоттогенический процесс на два этапа – протограмматический и грамматический. Первый из них характеризуется отсутствием грамматикализации, т. е. отсутствием специальных грамматических показателей у первых слов-предложений, а вторая идёт по пути растущей грамматикализации, т. е. по пути увеличения грамматических показателей у несколькихсловных

предложений. Следовательно, второй этап глоттогенеза характеризуется появлением подлинного синтаксиса, тогда как в первый он по существу отсутствует, поскольку первые люди употребляли лишь однословные предложения.

Рассуждая подобным образом, Т. Гивон пришёл к тем же соображениям, к которым А. А. Потебня пришёл ещё в XIX в. Выражение «всё новое – хорошо забытое старое» здесь, кстати сказать, не годится, поскольку американские лингвисты, за очень редким исключением, не имеют ни малейшего представления о российской лингвистической науке. Никогда не узнает этот Т. Гивон и того, что я здесь о нём пишу.

А. А. Потебня предполагал, что первобытные люди потому употребляли однословные предложения, что их мышление ещё не способно было расчленять описываемую ситуацию на предмет (субъект) суждения и его признак (предикат). Их мышление было ещё синкретическим по преимуществу. Вот почему гипотетическое предложение «*Лек*» у них означало «*Птица летит*». Субъект в нём спаян с предикатом. Естественно было назвать это «*Лек*» первобытным причастием, поскольку именно причастие совмещает в себе именные и глагольные особенности. Но это причастие ещё представляло собою безаффиксный корнеслов. Оно ещё не подверглось грамматикализации.

На место потебнианского первобытного причастия Т. Гивон поставил указательные местоимения, возникшие в результате вокализации указательных жестов. Если, по А. А. Потебне, имена и глаголы возникли из первобытных причастий, то по Т. Гивону – из первобытных указательных местоимений. Из этих местоимений он вывел личные местоимения, артикли и существительные. Между существительными и глаголами затем наступила длинная пауза, необходимая для того, чтобы первые люди в своей когнитивной эволюции дозрели до соединения существительных с глаголами для построения субъектно-предикатных предложений. Как только это произошло, появились несколькословные предложения с субъектно-предикатной структурой и начался второй этап глоттогенеза – грамматический. Он характеризовался приливом грамма-

тических средств, позволяющих предложению всё больше и больше совершенствовать свою синтаксическую структуру.

Как видим, гипотеза Т. Гивона заслуживает высокой оценки. Её истоки восходят в Европе к Ф. Боппу, В. Гумбольдту, А. Шляйхеру и А. А. Потебне. В ней отражён эволюционный взгляд на происхождение языка. Языковая эволюция предстаёт в ней как процесс, движущийся от простого к сложному – от грамматически неоформленных слов-предложений в протоязыке к грамматически оформленным несколькословным предложениям в языке.

МУЗЫКАЛЬНАЯ ГИПОТЕЗА Н. МАСАТАКИ

Нобуо Масатака (род. в 1954) – японский приматолог. Он поделил начальный этап глоттогенеза на три периода – гуления, лепета и пения. Материал для такой перидизации он нашёл в доязыковом поведении младенцев и коллективных дуэтах гамадрилов. В процессе первого периода наши предки создали слоги, в процессе второго – многосложные слова, и в третий они их запели.

Сам того не подозревая, Н. Масатака в какой-то мере возродил И. Гердера, который писал: «...если первым языком человека было пение, то пение это было для него настолько же естественно и настолько соответствовало его органам и природным инстинктам, насколько пение соловья – естественно для этой птицы, которую можно было бы назвать летающей глоткой. Именно таким и был наш звучащий язык. Кондильяк, Руссо и другие были уже на полпути к этой мысли, когда они выводили просодию и песенный характер древнейших языков из криков, порождаемых чувством» [Гердер, 2007, с. 149].

И. Гердер, вместе с тем, в своей гипотезе о происхождении языка опирался не на музыкальную сторону живой речи, а на междометную гипотезу и звукоподражательную. Музыкальная же гипотеза Н. Масатаки чересчур упрощает зарождение языковой способности у человека.

ПАРАЗИТНАЯ ГИПОТЕЗА Т. ДИКОНА

Терренс Дикон – профессор биологической антропологии и нейронаук Уни-

верситета Калифорнии в Беркли. Он додумался уподобить язык паразиту. Подобно тому, как паразиты внедряются в те или иные организмы, язык внедрился в мозг гоминидов. Поначалу он не особенно влиял на разум, но со временем его влияние на разум всё возрастало и возрастало. Более того, между языком и разумом установились отношения сотрудничества, благодаря которому происходит двойная эволюция – языковая и психическая.

К паразитной гипотезе происхождения языка, по-видимому, следует относиться как к шутке, в которой есть доля правды.

ГИПОТЕЗА ГРУМИНГА Р. ДАНБАРА

Робин Данбар (род. в 1947) – американский культуролог. Он вывел язык из груминга – заботливого выскивания обезьянами насекомых в шерсти своих сородичей. Вот уж поистине неисповедимы пути господни!

Груминг – средство единения той или иной группы обезьян. Он возможен только в малочисленных сообществах. Чем многочисленнее они становятся, тем всё труднее и труднее грумингу выступать в качестве средства единения. Со временем им ничего не остаётся, как заменить его на другое средство единения – язык.

Что же, и в этой гипотезе есть рациональное зерно: язык и в самом деле – средство единения.

Итак, новые о гипотезы о происхождении языка далеко неравноценны. Так, об авторах трёх последних можно сказать словами Н. В. Гоголя: «лёгкость необыкновенная в мыслях». С лёгкость необыкновенной Н. Масатака вывел первобытный язык из пения, Т. Дикон уподобил язык паразиту, а Р. Данбар вывел его из груминга. Зато гипотезы Н. Хомского и Т. Гивона заслуживают высокой оценки. Они свидетельствуют о преемственности между ними и старыми гипотезами. Актуальность последних подтверждена временем их существования в науке. Особую ценность из них представляют собою две гипотезы – междометная и трудовая.

Библиографический список

1. Библия. М.: United Bible Societies, 1991. 1372 с.
2. *Бичакджан Б.* Эволюция языка: демоны, опасности и тщательная оценка // Разумное поведение и язык. Вып. 1. Коммуникативные системы животных и язык человека. Проблема происхождения языка / Сост. А. Д. Кошелев, Т. В. Черниговская. М. Языки славянских культур, 2008. С. 59–88.
3. *Блумфильд Л.* Язык. М.: Прогресс, 1968. 608 с.
4. *Бурлак С. А.* Происхождение языка. Факты, исследования, гипотезы. М.: Астрель, 2011. 480 с.
5. *Гердер И.* Трактат о происхождении языка. М.: Издательство ЛКИ, 2007. 88 с.
6. *Даниленко В. П.* Введение в языкознание: курс лекций (с грифом УМО Министерства образования и науки РФ) / *В. П. Даниленко.* М.: Флинта: Наука, 2010. 288 с.
7. *Донских О. А.* Происхождение языка как философская проблема. Новосибирск: Наука, 1984. 128 с.
8. *Журавлев А. П.* Звук и смысл. М.: Наука, 1981. 328 с.
9. *Лаэртский Диоген.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Мысль, 1979. 620 с.
10. *Маркс К., Энгельс Ф.* Избранные произведения в трёх томах. Т. 3. М.: Издательство политической литературы, 1981. 640 с.
11. *Потебня А. А.* Эстетика и поэтика. М.: Искусство, 1976. 614 с.
12. *Рак В. А.* Праречь: фантазии и реальность. Иркутск: Востсибкнига, 2013. 416 с.
13. *Руссо Ж.-Ж.* Избранные сочинения в трёх томах. Т. 1. М.: Гослитиздат, 1961. 852 с.
14. *Фрейденберг О. М.* Античные теории языка и стиля. – М.; Л.: Государственное социально-экономическое издательство, 1936. 344 с.
15. *Хомский Н.* О природе и языке. М.: КомКнига, 2005. 288 с.
16. *Эдельштейн Ю. М.* Проблемы языка в памятниках патристики // История лингвистических учений. Средневековая Европа / под ред. А. В. Десницкой и С. Д. Кацнельсона. М.-Л.: Наука, 1985. С. 157–207.
17. *Якушин Б. В.* Гипотезы о происхождении языка. М.: Наука, 1984. 137 с.